

вовала деятельному и беспокойному характеру западных народов; впрочем, пилигримство было допустимо и поощрялось всеми религиями древними и новыми, так оно близко к самым естественным чувствам человека. Если вид местности, в которой жил герой или мудрец, несмотря на то, что их жизнь не связана ни с каким из наших верований, вызывает в нас благородные трогающие воспоминания; если дух философа волнуется при взгляде на языческие развалины Пальмиры, Вавилона или Афин, то как глубоко должны были чувствовать христиане, видя места, освященные присутствием их Божества и представлявшиеся их глазам и воображению, как колыбель живой веры, которая их воодушевляла?

Западные христиане, почти все бедствовавшие на родине и забывавшие свое горькое время странствований, были заняты мыслью об отыскании на земле следов спасительного Божества или какой-нибудь святой личности. Не было страпы, которая не имела бы мученика или апостола для обращения к ним с мольбой о помощи; не было города или местечка, где не сохранилось бы воспоминание о чуде, и не было бы капеллы открытой для богомольцев. Самые тяжкие грешники или более ревностные из верных подвергали себя и большим опасностям, предпринимая более отдаленные странствования. Иногда они направляли благочестивый путь в Апулию и Калабрию, посещая Гаргано, знаменитый чудом св. Михаила, или Кассино, прославленный чудесами св. Бенедикта; иногда они переходили Пиренеи и в страхе, принадлежавшей сарацинам, ходили молиться над мощами св. Иакова, в Галисию. Одни, как король Французский Роберт, отправлялись в Рим, чтобы расprostерться над могилой Петра и Павла; другие шли в Египет, где Иисус Христос провел свое детство, и странствовали по пустыням Мемфиса, где были ученики Павла и Антония. Но наибольшее число богомольцев шло в Палестину; они входили в Иерусалим Ефραίемскими воротами, где вносились подать сарацинам. Изготовившись постом и молитвой, они вступали в церковь Гроба

Господня, покрытые саваном, который сохранялся ими всю жизнь и в котором их погребали после смерти. Со священным благоговением посещали они гору Сион, Масличную гору, долину Иосафата; из Иерусалима богомольцы ходили в Вифлеем, где родился Спаситель мира, на гору Фавор, где он преобразился, и по всем тем местам, которые были свидетелями его чудес. После того они отправлялись омыться в реке Иордан и собирали на земле Иерихона пальмы, с которыми возвращались на Запад.

Таков был дух благочестия в X и XI вв., и большая часть христиан обвинили бы себя в неуважении к религии, если бы не было ими предпринято то или другое странствование. Кто избегал опасности и одерживал победу над врагом, тот брал посох пилигрима и шел к святым местам; кто спас молитвами жизнь отца или сына, шел благодарить небо далеко от родины в страны, освященные религиозными преданиями. Часто отец предназначал своего сына еще в колыбели к богомолью, и первой обязанностью сына, когда он приходил в возраст, было исполнить обет родителей. Передко сповидание или явление во время сна налагало на христианина обязанность предпринимать странствование. Таким образом, мысль о богомольи проистекала из религиозного чувства, но примешивалась ко всем доблестям и слабостям человеческого сердца, ко всем печалям и радостям земной жизни. Пилигримов принимали везде, и вместо платы просили у них только молитв, бывших часто единственным сокровищем, которым они запасались в дорогу. Один из таких, желая сесть в Александрии на корабль, отходивший в Палестину, явился с посохом и котомкой и вместо перевозной платы предлагал Евангелие. Пилигримы не имели на своем пути другой защиты от нападения злых людей, кроме креста, и путеводителями считали ангелов, «которым Бог предписал охранять детей» и «наставлять их на всех их путях». Преследования, испытанные на дороге, только увеличивали славу пилигрима и внушали верным особое к ним уважение. Фанатизм побуждал их даже вызывать